

Фото Сергея МИРОНОВА.

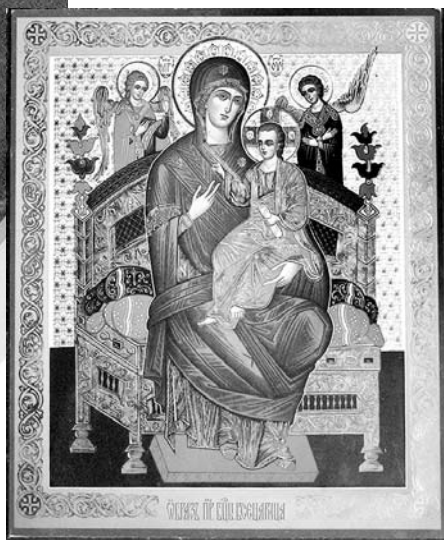
капель. След от них виден и сейчас.

Мироточение считается особым святым знаком, чудом Божиим. В Становом Колодезе сочли свой случай добрым предзнаменованием, провели многолюдный молебен.

А про иконописца Родионова узнали во многих местах; скажем, в Сан-Франциско. Только что, в мае, Вячеслав Анатольевич отправил туда икону "Успение Богородицы", где изображены сразу сорок ликов.

— Напряжённая была работа, по пятнадцать часов в день писал. Ведь уложиться надо было всё в те же полмесяца, чтоб качество не порушить.

Сейчас он работает над заказом местного Смоленского храма, того, где раньше хлебозавод тосковал, и того, что издали сияет сейчас на всю главную доми-

Вячеслав улыбнулся и прочёл короткую лекцию. Насколько я понял, когда в процессе присутствует вишнёвый да сливовый клей и ещё что-то, то золото зовут "творёное".

А когда применяется белок, опять же яичный, потом водка, потом какой-то агатовый камень, то золото, изорванное в мелкие кусочки и кинутое в эту адскую смесь, зовут "полимент".

— Почему полимент?

— Потому что его после накладки тщательно полируют. Медвежий зубом.

— Медвежий?

— Да; потому что он самый крепкий и гладкий.

— Покажите нам этот медвежий зуб!

— Нет, у меня зуб коровий, его легче достать. А работать им тоже можно, однако усилий больше при полировке требуется.

Сусальное золото, которое прежде никаких эмоций у меня не вызывало, теперь колдовски притягивало взгляд. Нимб Ионы в самом деле казался божественным.

— Заметьте, под золото надо сначала обязательно положить красную охру, иначе оно будет просвечивать и показывать нижний слой, а тот может всё испортить, сделать золотой блеск неестественным, с какой-нибудь тенью.

Теперь ясно, почему иконописцу нельзя работать в дурном настроении. Тут же всё по канонам, по вековым правилам, и кропотливо-вдохновенно.

Это иному пейзажисту можно у дерева лишнюю ветку нарисовать, а коль не понравится, так тут же и замалевать её. А здесь и впрямь священнодействие.

Нрав у иконописца под стать делу. Голос тихий, мягкий, говор ненапористый, нестроптивный, облик смиренный. То ли художник с рожденья такой, то ли иконопись его этаким сделала.

— Вы, наверное, и поститесь.

— Если всерьёз поститься, то сил на такую неостановимую работу не хватит... Нет, для меня пост это прежде всего усмирение души. Так что, выходит, я круглый год на посту. А без того и нельзя, я ведь каждую иконочку пишу как будто заново.

Он все свои работы называет вот так ласково — иконочки. Своих сюжетов не пишет, только канонические, которые тоже ведь с вариантами, так что простор для творческого манёвра остаётся.

— А вот краснушки не делаю, зачем образ обижать...

— Что за краснушки?

— Ну, когда на иконе один лик пишут, а всё остальное потом закрывают массивным резным окладом. Конечно, это тоже икона, но вся почти из оклада, пусть даже и серебряного. А если его когда-нибудь почему-то снимут, что на доске останется — одно лицо святое в пустоте? Нет, жалко; это не для меня.

Его мастерская колоритна. Старый, донельзя ветхий особняк в пахучих зарослях за горсадом, лестница к художнику на второй этаж деревянная и мило перекошена градусов в тридцать, не меньше.

Внутри небогато и чистенько; пчелиная рамка с пустыми сотами от брата с родной Тамбовщины; ещё большие старинные часы на стене — "идут, но стрелки не крутятся"; парочка ранних пейзажей "с недописанной веткой".

Остальное всё в иконах. Правильно, ведь это — святилище. Тут ни безликих людей-гвоздей, ни серых людей-пиявок. Тут свет не от мира сего.

Юрий ОНОПРИЕНКО.
На снимках: художник доволен — новый образ удался; та самая Всецарица, только во втором экземпляре; мастерская иконописца.
г. Орёл.

СВЯТЫЕ НИМБЫ ПОЛИРУЮТ МЕДВЕЖЬИМ ЗУБОМ

Сидят в жизни, как в морёном дубе, люди-гвозди, отштампованные ещё в железном веку. Сосут их ржу людипиявки, отлично умножающиеся делением, что тогда, что ныне.

Дребезжат-плюхают между ними стяжательские схватки, вивает над водой и землёю тьма. И продирается сквозь неё по тёмному мосту человек, коему сейчас писать светлый лик.

— Коли по дороге увидел плохое и пришёл в мастерскую с дурным настроением, никогда сразу не начинаю писать, — говорит Родионов. — Иначе образ получится темней, чем надо. Лучше буду читать что-то, ждать, пока душа успокоится. Наше дело тихое, благоговейное.

Русские иконописцы всегда владели большой возвышенной тайной. Тайна эта — в свободе от суесть.

Между тем икона пишется довольно быстро — где-то всего полмесяца. Но зато почти сутками, всё солнечное время.

— Если перерыв дня в три делаешь, положенная на доску краска уже не примет новую.

Штука в том, что иконописцы словно бы вплавляют один цвет в другой. Именно так рождаются тончайшие переливы теней и тонов, лик становится по-настоящему живым.

А чтобы "вплавить" цвет в цвет, каждая краска замешана на яичном желтке, прекрасном связую-

щем материале: цвет ложится навечно. Но сначала такая смесь зыбка, текуча, поэтому и долгих пауз в работе не должно быть.

Вячеслав Анатольевич родился в начале пятидесятых на Тамбовщине. Богомольные речи прабабушки Пелагеи подвигли шестнадцатилетнего парня сделать серьёзную копию рублёвской "Троицы".

Однако тогдашний режим иконы категорически не приветствовал, и Вячеслав выучился в Харькове на дизайнера. В 1981 году приехал в Орёл, и с тех пор преподаёт дизайн в нашем художественном училище.

Сроднился с коллективом, имеет хороших учеников. К приближающемуся юбилею училища готовит с ними творческий подарок родному заведению.

А к иконам вернулся лет пятнадцать назад, когда началось долгожданное воцерковление православного нашего народа. Работает над святыми ликами в свободное время, но это такое "свободное время" и такая работа, что сродни подвижничеству.

Многим восстанавливающимся храмам сейчас нужны образы, потребовались они и в Станово-колодезскую церковь Покрова Богородицы.

Года четыре назад Родионов передал туда свой список канонической Всецарицы. А года два назад церковники сделали для

Всецарицы киот, такую застеклённую божничку, и поставили икону туда. Она ведь, по поверьям, помогает от очень серьёзных болезней, например, от наркомании и рака.

И вот однажды во время богослужения тамошнего священника отца Владимира прихожане увидели, что икона плачет: на святом образе под стеклом появилась струйка из нескольких

нанту города, на всю былую Болховскую улицу.

Заказ состоит из семи больших образов, которые украсят стены храма. Родионовские списки образов святых князя Владимира и Александра Невского уже висят в церкви.

Сейчас Родионов одновременно пишет московских митрополитов святителей Иону и Филиппа, а позже будут царь Давид, пророк Даниил и Илья-Пророк.

Двухметровые образа святителей лежат на рабочих столах, одежды уже выписаны; сделаны нимбы, они горят, светятся.

— Жёлтой краской написано?

— Нет, нимбы сусальным золотом выложены, каким купола покрыва-

ют. Вот таким, — и художник показал тоненькую пачку листков, типа дешёвенькой детской новогодней бумаги для вырезания. — Сильно дышать на это золото нельзя, улетит, стряхнётся; пальцем тоже если чуть даже коснёшься, то прилипнет к пальцу и бесполезно просыплется.

— Как же работают с такой неверной невесомью?